

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> приятного чтения!

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Поэты много об орлах в стихах пишут, и всегда с похвалой. И статьи у орла красоты неописанной, и взгляд быстрый, и полет величественный. Он не летает, как прочие птицы, а парит, либо ширяет; сверх того: глядит на солнце и спорит с громами. А иные даже наделяют его сердце великодушием. Так что ежели, например, хотят воспеть в стихах городского, то непременно сравнивают его с орлом. Подобно орлу, говорят, городской бляха № такой-то высмотрел, выхватил и, выслушав, простил.

Я сам очень долго этим панегирикам [1] верил. Думал: ведь в самом деле красиво! Выхватил... простил! простил?! – вот что в особенности пленяло. Кого простил? – мышь!! Что такое мышь?! И я бежал впопыхах к кому-нибудь из друзей-поэтов и сообщал о новом акте великодушия орла. А друг-поэт становился в позу, с минуту сопел, а затем его начинало тошнить стихами.

Но однажды меня осенила мысль: с чего же, однако, орел «простил» мышь? Бежала она по своему делу через дорогу, а он увидел, налетел, скомкал и... простил! Почему он «простил» мышь, а не мышь «простила» его?

Дальше – больше. Стал я прислушиваться и приглядываться. Вижу: что-то тут неблагополучно. Во-первых, совсем не затем орел мышей ловит, чтоб их прощать. Во-вторых, ежели и допустить, что орел «простил» мышь, то, право, было бы гораздо лучше, если б он совсем ею не интересовался. И, в-третьих, наконец, будь он хоть орел, хоть архиорел, все-таки он – птица. До такой степени птица, что сравнение с ним и для городского может быть лестно только по недоразумению. И теперь я думаю об орлах так: орлы суть орлы, только и всего. Они хищны, плотоядны, но имеют в свое оправдание, что сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами. И так как они в то же время сильны, дальноры, быстры и беспощадны, то весьма естественно, что при появлении их все пернатое царство спешит притаиться. И это происходит от страха, а не от восхищения, как уверяют поэты. А живут орлы всегда в отчуждении, в неприступных местах, хлебосольством не занимаются, но разбойничают, а в свободное от разбоя время дремлют.

Выискался, однако ж, орел, которому опостылело жить в отчуждении. Вот и говорит он однажды своей орлице:

– Скучно сам-друг с глазу на глаз жить. Смотришь целый день на солнце – инда одуреешь.

И начал он задумываться. Что больше думает, то чаще и чаще ему мерещится: хорошо бы так пожить, как в старину помещики жилали. Набрал бы он дворню и зажил бы припеваючи. Вороны бы сплетни ему переносили, попугаи кувыркались бы, сорока бы кашу варила, скворцы величальные песни бы пели, совы, сычи да филины по ночам дозором летали бы, а ястребы, коршуны да соколы пищу бы ему добывали. А он бы оставил при себе одну кровожадность. Думал-думал да и решился. Кликнул однажды ястреба, коршуна да сокола и говорит им:

– Соберите мне дворню, как в старину у помещиков бывало; она меня утешать будет, а я ее в страхе держать стану. Вот и всё.

Выслушали хищники этот приказ и полетели во все стороны. Закипело у них дело не на шутку. Прежде всего нагнали целую уйму ворон. Нагнали, записали в ревизские сказки [2] и выдали окладные листы [3]. Ворона – птица плодущая и на все согласная. Главным же образом тем она хороша, что сословие «мужиков» представлять мастерица. А известно, что ежели готовы «мужички», то дело остается только за деталями, которые уж ничего не стоит скомпоновать. И скомпоновали. Из коростелей и гагар духовой оркестр собрали, попугаев скоморохами нарядили, сороке-белобоке, благо воровка она, ключи от казны препоручили, сычей да филинов заставили по ночам дозором летать.

Словом сказать, такую обстановку устроили, что хоть какому угодно дворянину не стыдно. Даже кукушку не забыли, в гадалки при орлице определили, а для

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
кукушкиных сирот воспитательный дом выстроили.

Но не успели порядком дворовые штаты в действие ввести, как уже убедились, что есть в них какой-то пропуск. Думали-думали, что бы такое было, и наконец догадались: во всех дворнях полагаются науки и искусства, а у орла нет ни тех, ни других.

Три птицы в особенности считали этот пропуск для себя обидным: снегирь, дятел и соловей.

Снегирь был малый шустрый и с отроческих лет насвистанный. Воспитывался он первоначально в школе кантонистов, потом служил в полку писарем и, научившись ставить знаки препинания, начал издавать без предварительной цензуры газету «Вестник лесов». Только никак приноровиться не мог. То чего-нибудь коснется – ан касаться нельзя; то чего-нибудь не коснется – ан касаться не только можно, но и должно. А его за это в головку тук да тук. Вот он и замыслил: пойду в дворню к орлу! Пускай он повелит безнаказанно славу его каждое утро возвещать!

Дятел был скромный ученый и вел строго уединенную жизнь. Ни х кем никогда не виделся (многие даже думали, что он запоем, как и все серьезные ученые, пьет), но целые дни сидел на сосновом суку и все долбил. И надолбил он целую охапку исторических исследований: «Родословная лешего», «Была ли замужем баба-яга», «Каким полом надлежит ведьм в ревизские сказки заносить?» и проч. Но сколько ни долбил, издателя для своих книжиц найти не мог. Поэтому и он надумал: пойду к орлу в дворовые историографы! авось-либо он вороньим иждивением исследования мои отпечатает!

Что касается до соловья, то он на жизненные невзгоды пожаловаться не мог. Пел он искони так сладко, что не только сосны стоеросовые, но и московские гостинодворцы, слушая его, умилялись. Весь мир его любил, весь мир, притаив дыхание, заслушивался, как он, забравшись в древесную чащу, сладкими песнями захлебывался. Но он был сладострастен и славолюбив выше всякой меры. Мало было ему вольной песней по лесу греметь, мало огорченные сердца гармонией звуков напоять... Думалось: орел ему на шею ожерелье из муравьиных яиц повесит, всю грудь живыми тараканами изукрасит, а орлица будет тайные свидания при луне назначать...

Словом сказать, пристали все три птицы к соколу: доложи да доложи!

Выслушал орел соколиный доклад о необходимости водворения наук и искусств и не сразу понял. Сидит себе, да цыркает, да когтями играет, а глаза у него, словно точеные камешки, глянец на солнце отливают. Никогда он ни одной газеты не выдывал; ни бабой-ягой, ни ведьмами не интересовался, а об соловье только одно слышал: что эта птица малая, не стоит из-за нее клюв марать.

– Ты, поди, не знаешь, что и Бонапарт-то умер? – спросил сокол.

– Какой такой Бонапарт?

– То-то вот. А знать об этом не худо. Ужо гости приедут, разговаривать будут. Скажут: при Бонапарте это было, а ты будешь глазами хлопать. Не хорошо.

Призвали на совет сову, – и та подтвердила, что надо науки и искусства в дворнях заводить, потому что при них и орлам занятнее живется да и со стороны посмотреть не зазорно. Ученье – свет, а неученье – тьма. Спать-то да жрать всякий умеет, а вот поди разреши задачу: «Летело стадо гусей» – ан дома не скажешься. Умные-то помещики, бывало, за битого двух небитых давали – значит, пользу в том видели. Вон чижик: только и науки у него, что ведерко с водой таскать умеет, а какие деньги за такового-то платят!

– Я в темноте видеть могу, так меня за это мудрой прозвали, а ты и на солнце по целым часам не смигнувши глядишь, а про тебя говорят: ловок орел, а простофиля.

– Что ж, я не прочь от наук! – пыркнул орел. Сказано – сделано. На другой же день у орла в дворне начался «золотой век». Скворцы разучивали гимн «Науки юношей питают» [4], коростели и гагары на трубах сыгрывались, попугаи новые кунштуки [5] выдумывали. С ворон определили новый налог, под названием «просветительного»; для молодых соколат и ястребят устроили кадетские корпуса; для сов, филинов и сычей – академию де сиянс [6], да кстати уж и вороняттам

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru купили по экземпляру азбуки-копейки. И в заключение самого старого скворца определили стихотворцем, под именем Василия Кирилыча Тредьяковского, и отдали ему приказ, чтоб назавтра же был готов к состязанию с соловьем.

И вот вожделенный день наступил. Поставили пред лицо орла новобранцев и велели им хвастаться.

Самый большой успех достался на долю снегиря. Вместо приветствия он прочитал фельетон, да такой легкий, что даже орлу показалось, что он понимает. Говорил снегирь, что надо жить припеваючи, а орел подтвердил: имянно! Говорил, что была бы у него розничная продажа хорошая [7], а до прочего ни до чего ему дела нет, а орел подтвердил: имянно! Говорил, что холопское житье лучше барского, что у барина заботушки много, а холопу за барином горюшка нет, а орел подтвердил: имянно! Говорил, что когда у него совесть была, то он без штанов ходил, а теперь, как совести ни капельки не осталось, он разом по две пары штанов надевает, а орел подтвердил: имянно!

Наконец снегирь надоел.

– Следующий! – цыркнул орел.

Дятел начал с того, что генеалогию [8] орла от солнца повел, а орел с своей стороны подтвердил: «И я в этом роде от папеньки слышал». – «Было у солнца, – говорил дятел, – трое детей: дочь Акула да два сына: Лев да Орел. Акула была распутная – ее за это отец в морские пучины заточил; сын Лев от отца отшатнулся – его отец владыкою над пустыней сделал; а Орёлко был сын почтительный, отец его поближе к себе пристроил – воздушные пространства ему во владенье отвел».

Но не успел дятел даже введение к своему исследованию продолбить, как уже орел в нетерпенье кричал:

– Следующий! следующий!

Тогда запел соловей и сразу же осрамился. Пел он про радость холопа, узнавшего, что бог послал ему помещика; пел про великодушие орлов, которые холопам на водку не жалеючи дают... Однако как он ни выбивался из сил, чтобы в холопскую ногу попасть, но с «искусством», которое в нем жило, никак совладать не мог. Сам-то он сверху донизу холоп был (даже подержанным белым галстуком где-то раздобылся и головушку барашком завил), да «искусство» в холопских рамках усидеть не могло, беспрестанно на волю выпирало. Сколько он ни пел – не понимает орел, да и шабаш!

– Что этот дуралей бормочет! – крикнул он наконец. – Позвать Тредьяковского!

А Василий Кирилыч тут как тут. Те же холопские сюжеты взял да так их явственно изложил, что орел только и дело, что повторял: «Имянно! имянно! имянно!» И в заключение надел на Тредьяковского ожерелье из муравьиных яиц, а на соловья сверкнул очами, воскликнув: «Убрать негодяя!»

На этом честолюбивые попытки соловья и покончились. Живо запрятали его в куролеску [9] и продали в Зарядье, в трактир «Расставанье друзей», где и о сю пору он напояет сладкой отравой сердца захмелевших «метеоров».

Тем не менее дело просвещения все-таки не было покинуто. Ястребятя и соколята продолжали ходить в гимназии; академия де сиянс принялась издавать словарь и одолела половину буквы А; дятел дописывал 10-й том «Истории леших». Но снегирь притаился. С первого же дня он почуял, что всей этой просветительной суতোлке последует скорый и немилостивый конец, и, по-видимому, предчувствия его имели довольно верное основание.

Дело в том, что сокол и сова, принявшие на себя руководство в просветительном деле, допустили большую ошибку: они задумали обучить грамоте самого орла. Учили его по звуковому методу, легко и занятно, но, как ни бились, он и через год вместо «Орел» подписывался «Арёл», так что ни один солидный заимодавец векселей с такою подписью не принимал. Но еще большая ошибка заключалась в том, что, подобно всем вообще педагогам, ни сова, ни сокол не давали орлу ни отдыха, ни срока. Каждоминутно следовала сова по его пятам,

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
выкрикивая: бб... зз... хх..., а сокол, тоже ежеминутно, внушал, что без первых
четырех правил арифметики награбленную добычу разделить нельзя.

– Украл ты десять гусенков, двух писмоводителю квартального подарил, одного сам
съел – сколько в запасе осталось? – с укоризною спрашивал сокол.

Орел не мог разрешить и молчал, но зло против сокола накоплялось в его сердце с
каждым днем больше и больше.

Произошла натянутость отношений, которую поспешила воспользоваться интрига. Во
главе заговора явился коршун и увлек за собой кукушку. Последняя стала
нашептывать орлице: «Изведут они кормильца нашего, заучат!», а орлица начала
орла дразнить: «Ученый! ученый!», затем общими силами возбудили «дурные страсти»
в ястребе.

И вот однажды на зорьке, едва орел глаза продрал, сова, по обыкновению,
подкралась сзади и зажужжала ему в уши: вв... зз... рррр...

– Уйди, постылая! – кротко огрызнулся орел.

– Извольте, ваше степенство, повторить: бб... кк... мм...

– Второй раз говорю: уйди!

– Пп... хх... шш...

В один миг повернулся орел к сове и разорвал ее надвое. А через час, ничего не
ведая, воротился с утренней охоты сокол.

– Вот тебе задача, – сказал он, – награблено нынче за ночь два пуда дичины;
ежели на две равные части эту добычу разделить, одну – тебе, другую – всем
прочим челядинцам, – сколько на твою долю достанется?

– Всё, – отвечал орел.

– Ты говори дело, – возразил сокол. – Ежели бы «всё», я бы и спрашивать тебя не
стал!

Не впервые такие задачи сокол задавал; но на этот раз тон, принятый им,
показался орлу невыносимым. Вся кровь в нем вскипела при мысли, что он говорит
«всё», а холоп осмеливается возражать: «не все». А известно, что когда у орлов
кровь закипает, то они педагогические приемы от крамолы отличать не умеют. Так
он и поступил.

Но, покончивши с соколом, оргл, однако, оговорился:

– А де сиянс академии оставаться по-прежнему! Опять пропели скворцы: «Науки
юношей питают», но для всех уже было ясно, что «золотой век» находится на
исходе. В перспективе надвигался мрак невежества с своими обязательными
спутниками: междоусобием и всяческою смутюю.

Смута началась с того, что на место умершего сокола явилось два претендента:
ястреб и коршун. И так как внимание обоих соперников было устремлено
исключительно в сторону личных счетов, то дела дворни отошли на второй план и
начали мало-помалу приходить в запущение.

Через месяц от недавнего «золотого века» не осталось и следов. Скворцы
заленились, коростели стали фальшивить, сорока-белобока воровала без просыпу, а
на воронах накопилась такая пропасть недоимок, что пришлось прибегнуть к
экзекуции. Дошло до того, что даже пищу орлу с орлицей начали подавать порченую.

Чтоб оправдать себя в этой неурядице, ястреб и коршун временно подали друг другу
руку и свалили все невзгоды на просвещение. Науки-де, бесспорно, полезны, но
лишь тогда, когда они благовременны. Жили-де наши дедушки без наук, и мы без них
проживем...

И в доказательство, что весь вред от наук идет, начали открывать заговоры, и
непременно такие, чтобы хоть часослов да замешан в них был. Начались розыски,

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
следствия, судьбища...

– Шабаш! – вдруг раздалось в вышине.

Это крикнул орел. Просвещение прекратило течение свое.

Во всей дворне воцарилась такая тишина, что слышно было, как ползут по земле клеветнические шепоты.

Первою жертвою нового веяния пал дятел. Бедная эта птица, ей-богу, не виновата была. Но она знала грамоте, и этого было вполне достаточно для обвинения.

– Знаки препинания ставить умеешь?

– Не только обыкновенные знаки препинания, но и чрезвычайные, как-то: кавычки, тире, скобки – всегда, по сущей совести, становлю.

– А женский пол от мужского отличить можешь?

– Могу. Даже в ночное время не ошибусь.

Только и всего. Нарядили дятла в кандалы и заточили в дупло навечно. А на другой день он в том дупле, заеденный муравьями, помре.

Едва кончилась история с дятлом, как последовал погром в академии де сиянс.

Однако ж сычи и филины защищались твердо: жалко им было с теплыми казенными квартирами расставаться. Говорили, что не того ради сиянсами занимаются, дабы их распространять, а для того, чтобы от лихого глаза их оберегать. Но коршун сразу увертки их опровергнул, спросив: да сиянсы-то зачем? И они на этот вопрос не ответили (не ждали). Тогда их поштучно распродали огородникам, а последние, набив из них чучелов, поставили огороды сторожить.

В это же самое время отобрали у воронят Азбуку-копейку, истолкли оную в ступе и из полученной массы наделали игральных карт.

Дальше – больше. За совами и филинами последовали скворцы, коростели, попугаи, чижи... Даже глухого тетерева заподозрили в «образе мыслей» на том основании, что он днем молчит, а ночью спит...

Дворня опустела. Остались орел с орлицей и при них ястреб да коршун. А вдали – масса воронья, которое бессовестно плодилось. И чем больше плодилось, тем больше накаплилось на нем недоимок.

Тогда коршун с ястребом, не зная, кого изводить (воронье в счет не полагалось), стали изводить друг друга. И все на почве наук. Ястреб донес, что коршун по секрету читает часослов, а коршун съебедничал, что у ястреба в дупле «новейший песенник» спрятан.

Орел смутился...

Но тут уж сама История ускорила свое течение, чтоб положить коней этой сумятице. Произошло нечто необыкновенное. Увидев, что они остались без призора, вороны вдруг спохватились: а что, бишь, на этот счет в Азбуке-копейке сказано? И не успели порядком припомнить, как тут же инстинктивно снялись всем стадом с места и полетели.

Погнался за ними орел, да не тут-то было: сладкое помещичье житье до того его изнежило, что он едва крыльями мог шевелить.

Тогда он повернулся к орлице и возгласил:

– Сие да послужит орлам уроком!

Но что означало в данном случае слово «урок», то ли, что просвещение для орлов вредно, или то, что орлы для просвещения вредны, или, наконец, и то и другое вместе, – об этом он умолчал.

Орёл-меценат. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Комментарии
Впервые – газета «Общее дело», 1886, январь, №81, с подзаголовком «Сказка».
Подпись: Н.Щедрин. В России впервые – М.Е. Салтыков (Н.Щедрин). Полн.собр. соч.,
изд. 5-е, т.IV. (приложение к журналу «Нива» СПб., изд. А.Ф.Маркса, 1906).

(Комментарий по изданию: М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 10тт. под
общ.ред. С.А.Макашина и К.И.Тюнькина. – М.: Издательство «Правда», 1988. Т.8)

Примечания

1

Панегирик (греч.) – хвалебная речь.

2

Ревизские сказки – переписные листы, учитывающие количество населения. Перепись
населения – ревизия – проводилась с различными целями.

3

Окладные листы – налоговые.

4

«Науки юношей питают» – «Науки юношей питают, отраду старикам подают». Из оды М.
В. Ломоносова (1747) на день восшествия на престол Елисаветы Петровны.

5

Кунштюки (нем.) – фокусы.

6

Академию наук (франц. academie des sciences)

7

Масштабы розничной продажи, посредством которой реализовывалась большая часть
тиража, определяли обычно финансовое положение газеты

8

Генеалогия (греч.) – родословная.

9 Запрятали его в куролеску – в клетку.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!